

Дело «Вятского Филиала ИПЦ».

П.А. Чемоданов,

Начальник отдела использования архивных документов отдела КПСС и общественных организаций КОГБУ «ЦГАКО»

1930-е гг. стали одними из самых сложных за многовековую историю Русской Православной Церкви. Именно в предвоенное десятилетие антицерковная политика правящей в СССР Коммунистической партии достигла своего апогея. Кроме того, сама Церковь в эти годы переживала смуту, связанную с т.н. «обновленчеством», зародившимся в период после Февральской революции и активно поддерживаемым советской властью в 1920-е гг. Другим фактором кризиса послужила вышедшая в 1927 г. декларация заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности по отношению к советской власти. Данный документ, созданный под давлением обстоятельств, вызвал неприятие со стороны части епископата, клириков и мирян, которые стали стремиться организационно обособиться от «сергианской» церкви, по возможности сохраняя духовное единство с ней.

Одним из главных лидеров «антисергианской» оппозиции в Патриаршей Церкви того времени был Глазовский епископ Виктор (Островидов). Он являлся «духовным отцом» движения, называемого «Истинно-Православная Церковь», распространенного сразу в нескольких регионах Поволжья. Уже после смерти епископа Виктора, в период 1934—1937 гг., данная «церковно-монархическая контрреволюционная организация» (в официальной терминологии НКВД), возглавлялась архиепископом Серафимом (Самойловичем).

Отношение к представителям ИПЦ со стороны властей было еще более нетерпимым, чем к последователям официальной «сергианской» церкви. Об этом говорит тот факт, что уже в 1931 г. органами ОГПУ было завершено дело т.н. «Всесоюзной организации ИПЦ». Как видно из материалов этого 11-томного дела, ИПЦ рассматривалась следователями как «сильная, широко разветвленная монархически-повстанческая организация, пустившая глубокие корни в антисоветских слоях населения». Количество фигурантов также было внушительным: более 3000 человек, начиная с 1928 г., было «привлечено к ответственности и приговорено к разным мерам наказания» [1, С. 190 — 191].

Несмотря на это, региональные группы, относящие себя к ИПЦ, продолжали деятельность в отдельных регионах и в последующие годы, в том числе и на территории Кировской области. Серьезный удар по местным группам, относящим себя к «Истинно-Православной церкви», был нанесен летом-осенью 1937 г., когда были арестованы, обвинены и расстреляны ее лидеры и наиболее активные сторонники на вятской земле. Историю этих событий можно восстановить по материалам судебно-следственного дела «Вятского филиала церковно-монархической контрреволюционной организации «Истинно-Православная церковь», хранящегося в фондах Государственного архива социально-политической истории Кировской области.

Документы свидетельствуют, что основные фигуранты дела (всего 41 человек) были арестованы и заключены под стражу в конце июля 1937 г. Притом в числе арестованных оказались как местные священнослужители «викторовской ориентации», так и миряне, поддерживающие с ними связь. По версии следствия, лидерами «Церковно-монархической контрреволюционной организации» в области были священники Алексей Андреевич Папырин, Павел Корнилович Бондал и Александр Николаевич Яковлев.

Что конкретно вменялось в вину арестантам, можно понять из обвинительного заключения от 19 сентября 1937 г. В заключении сказано, что «контрреволюционная организация церковников, имела определенную политическую платформу, в соответствии с которой и ставила себе задачей пропаганду монархических идей, пропаганду за непризнание Советской власти, за отказ от колхозов, от защиты Советского Союза и обучения детей в советской школе. Практическая деятельность к.р. организации проявлялась в форме повседневной систематической агитации: объявления Советской власти — властью сатанинской и антихристовой» [2, Л. 292].

Еще одним пунктом стали обвинения в связях с ранее репрессированными представителями православного духовенства (в т.ч. архиереями), а также в финансовой поддержке

таковых. К примеру, П.К. Бондалу вменялось в вину то, что он «заведовал нелегальной кассой помощи репрессированному к.р. духовенству», а А.Н. Яковлев якобы «был нелегально связан с архиепископом Серафимом Угличским (Самойловичем — П.Ч.), находящимся в лагерях». Поддержание этой связи, по версии следствия, осуществлялось через организованную сеть «паломников» и «странников» [2, Л. 340 — 341].

Помимо этого, следствие пыталось связать отдельных членов «Вятского филиала ИПЦ» с диверсионной и шпионской деятельностью. Так, «нелегальный поп» А.А. Папырин был объявлен руководителем «диверсионной группы, ставившей своей задачей совершение диверсионных актов на железнодорожном транспорте при возникновении войны» [2, Л. 293]. Еще один участник предполагаемой «диверсионной группы», мирянин Н.Ф. Садырин, по версии следствия, был до этого завербован эстонской разведкой и принял от нее «задание по организации крушений на ж/д и об организации повстанчества» [2, Л. 321]. Этот вывод был сделан на основании того, что он в период с 1920 по 1926 г. находился в Эстонии в качестве пленного красноармейца. Однако сам Н.Ф. Садырин на допросах отрицал всякую причастность к диверсионной деятельности, подтвердив при этом сам факт своего членства в ИПЦ.

Протоколы допросов показывают, что не все фигуранты отрицали предъявляемые им обвинения. Так, проходивший по делу в качестве обвиняемого мирянин Иван Васильевич Шихов на допросе подтвердил, что являлся членом ИПЦ, и подробно охарактеризовал «контрреволюционные политические установки» организации. Они по его словам, сводились к следующему: «1. Борьба за сохранение и укрепление православия; 2. Расчет на восстановление монархического строя; 3. Отрицание колхозов и отказ от вступления в таковые; 4. Отказ от общения с колхозниками; 5. Отказ от обучения детей в советских школах; 6. Отказ от труда; 7. Пораженческий взгляд по отношению к Советской стране» [3, Л. 237]. Обвиняемый конкретизировал последний пункт, заявив, что лично писал стихи с призывами к Великобритании организовать интервенцию в СССР.

При этом стоит иметь в виду, что к допрашиваемым могли применяться меры физического воздействия для «выбивания» нужных следствию показаний. Это подтверждается материалами проверки рассматриваемого нами дела, проведенной Прокуратурой Кировской области в 1967 г. Проверка выявила, что «следователи, которые расследовали данное дело, при ведении следствия ...применяли незаконные методы» [4, Л. 249]. Что имеется в виду под «незаконными методами», в документе не уточняется, но по контексту понятно, что подследственных, скорее всего, избивали, поэтому те вполне могли оговаривать себя и других фигурантов дела.

В итоге следствие по делу «Вятского филиала церковно-монархической контрреволюционной организации «Истинно-Православная церковь» длилось чуть более двух месяцев. За это время следователями были получены необходимые свидетельства для того, чтобы выдать обвинительное заключение и передать дело на рассмотрение «Особой тройки» при УНКВД по Кировской области. Как известно, «Особые тройки» НКВД являлись внесудебными органами, поэтому решения ими принимались в крайне сжатые сроки. Рассмотрение интересующего нас дела проходило одним днем — 29 сентября 1937 года. Из 41 фигуранта виновными были признаны 38 человек (в т.ч. 9 женщин), а еще трое оправданы за недостаточностью улик. Из 38 осужденных 30 человек были приговорены к расстрелу (в их числе «руководители к.р. организации»), остальные 8 человек получили по 10 лет в исправительно-трудовых лагерях [2, Л. 313—350]. Расстрельные приговоры были приведены в исполнение 13—14 октября того же года в Кирове.

Примечательно, что государственные органы скрывали судьбу осужденных даже от родственников. К примеру, на запрос дочери А.А. Папырина Александры Алексеевны о судьбе отца, направленный в Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР в 1957 г., пришел ответ, что тот был «осужден на 10 лет, отбывал наказание, умер в 1941 г. от пневмонии» [5, С. 214]. Эта информация, как можно понять из рассмотренных выше архивных документов, не является правдивой.

Процесс реабилитации осужденных по делу «Вятского филиала церковно-монархической контрреволюционной организации Истинно-Православная церковь» был начат в 1956 г. В этом году была проведена первая проверка законности принятого 29 сентября 1937 г. решения. По итогам этой проверки президиум Кировского областного суда своим постановлением от 27

сентября 1956 г. реабилитировал трех фигурантов дела — В.Н. Левашова, Н.В. Колотова и В.А. Куклина (первых посмертно, поскольку они были расстреляны).

В протесте и.о. Прокурора области Хмелева, направленном перед этим в президиум областного суда, сказано, что постановление «Особой тройки» в отношении перечисленных лиц подлежит отмене, поскольку «никто из осужденных виновным себя в к.р. деятельности не признал, других доказательств их виновности в материалах дела также не имеется». Далее говорится, что единственный свидетель, чьи показания легли в основу обвинения этих граждан на повторном допросе в 1956 г. изменил свои показания и фактически признал, что умышленно оговорил их в 1937 г. Мотивировал он свой поступок следующим образом: «В те годы многих считали врагами, поэтому и я иногда переделывал по-своему смысл даваемых сообщений (имеются в виду доносы в НКВД — П.Ч.), считая тех людей тоже врагами» [6, Л. 201—204].

Второй этап реабилитации осужденных по интересующему нас делу проходил в 1967 г. В ходе очередной прокурорской проверки был сделан вывод, что «следствие по делу в 1937 г. было проведено с нарушением социалистической законности. Очные ставки не проводились, с материалами дела обвиняемые не были ознакомлены...». В итоге постановлением Кировского областного суда от 30 сентября 1967 года было реабилитировано еще 25 осужденных [4, Л. 249—255]. Однако приговор в отношении руководителей и некоторых участников «Вятского филиала ИПЦ» был оставлен в силе. Священники А.А. Папырин, П.К. Бондал и А.Н. Яковлев и остальные фигуранты дела были реабилитированы лишь в 1989 г. [4, Л. 301—312].

Подводя итог всего написанного, резюмируем следующее. Дело «Вятского филиала церковно-монархической контрреволюционной организации «Истинно-Православная церковь» было сфабрикованным, так как следствие не представило серьезных доказательств существования у последователей ИПЦ в Кировской области четкой иерархии и структуры, а также какой-либо связи их с диверсионной и шпионской деятельностью на территории региона. Кроме того, большинство обвиняемых вину не признали, а признаниям такого рода со стороны отдельных фигурантов дела нельзя безоговорочно верить, поскольку они могли быть даны под давлением. Вместе с тем, из дела ясно, что местные священники «викторовской ориентации» и их паства не отрекались от православных убеждений даже в тяжелейшую для Церкви эпоху гонений, за что многие из них и пострадали.

Список литературы и источников:

1. Мазырин, А.В. Следственное дело «Всесоюзной организации ИПЦ» как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. М.; 2002. С. 188 — 196.
2. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т.1.
3. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т.2.
4. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т.8.
5. Чудиновских, Е.Н. «Нелегальный» священник Алексей Папырин // Обретение святых — 2015: сборник материалов VII Межрегиональной церковно-научной конференции. г. Киров [Вятка], 17 — 18 октября 2015 г. Киров, 2016. С. 211 — 215.
6. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т.7.

Опубликовано: Чемоданов П.А. Большой террор 1937-1938 гг. на Вятке: дело «Церковно-монархической контрреволюционной организации Истинно-Православная Церковь» // II Островидовские чтения. Материалы второй межрегиональной историко-церковной конференции. «1917-2017: уроки столетия». Глазов: Государственный педагогический институт, 2018. С. 206-209.

II ОСТРОВИДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Глазов
ГГПИ
2018